

Янка Купала... Невозможно перелистнуть непрочитанной страницу, подписанную этим купаловским именем. Оно вместило в себя купаловские костры и песни, уплывающие по туманной реке венки с мерцающими свечами, почти языческие легенды, веру в папоротниковый цветок счастья и неистребимую народную мечту о светлом будущем. С самого детства я очарован его поэзией.

Осенью 1931 года я приехал в Минск. Я уже был отравлен хмелем опубликования, хотелось скорее окунуться в литературную среду: бывать в Доме писателя...

И вот однажды...

В Дом писателя Купала заходил часто. Поздоровается со всеми и идет в ближнюю комнату с единственным окошком, садится на обшарпанный диван, и тотчас вокруг него собираются молодые поэты.

Дядька Янка слушает внимательно, оценки дает лаконичные, конкретные: «Не то, браточек, написал... А накрутил! Думаешь, по этой песенке из строчек докарабкаешься до Маяковского? Силы нет, мысли и чувств — кот наплакал. А рифмы?! Это ж для глухого! Пиши так, чтоб люди занками не становились, читая твои стихи. Чтоб понимали, что ты хотел им сказать. А нечего сказать — так лучше помолчи».

Кто-то еще отскакивает. Декламиру-

ет выразительно, громко, чтоб голосом и жестом прикрыть огрехи, но чувствительное Купалово ухо не пропускает ни одного фальшивого слова. «Этого, браток, ты и сам не разумеешь. Мякины много, а зерна — чуть-чуть. Хорошо-о веать надо».

Когда что-то стоящее ему нравилось, откровенно радовался, не скупился на похвалу.

...Покупаю в киоске несколько экземпляров журнала «Беларусь калгасная». В номере — мое стихотворение «Гидростанция». Признаться, гидростанция я тогда и в глаза не видал, а написать вот написал: в ту пору весьма охотно печатали стихи про домны, плотины, вагранки, шахты... Развернул и люблюсь лестничкой, ступеньками своих строчек. Разбивка такая была тогда приметой «современности». В этом же номере напечатаны «Ударнику» и «Заусёды наперед» Янки Купалы. Пока я листал журнал, к киоску подошел дядька Янка, поздоровался с киоскером, со мною. Купил «Правду» и «Звязду», просмотрел заголовки, сунул в карман. «Натешился своим творением? Так пойдем вместе».

Шли, молчали. Мне не терпелось ус-

лышать Купалову похвалу. И он, видимо, почувствовав мою скованность, заговорил: «Пока читал стих твой, ну и наспотыкался, будто по шпалам сигал, все с ноги сбивался. Зачем так ломать строку? Глянь, каким прозрачным, понятным стал Маяковский. Правда — она чем проще, тем сложнее. Ладно, переболеете и этой хворобой».

Купаловский урок и по сей день для меня — предостережение от пустышек, фальши, самоуверенности.

...Был теплый и тихий май. Отцветали сады, розовыми, белыми облачками курилась сирень. В те дни широко отмечалось 30-летие творческой деятельности Купалы. До начала официальных вечеров он пригласил друзей и близких домой, чтоб по-семейному отметить свой юбилей. Об этом прослышали работники радио и попросили разрешения транслировать вечер сразу в эфир. Звукозаписи

тогда еще не было. Значит, слово, сказанное в микрофон, не вырежешь, не вернешь, не отредактируешь. И трансляция состоялась.

Заходя в кабинет поэта установили аппаратуру, на праздничном столе — микрофон. К сумеркам дом заполнили гости. Купала, верно, волновался: часто отлучался в сумеречный кабинет, курил свой неизменный «Казбек». Когда все были уже в сборе, сел у торца стола меж двух окон. Начался обычный застольный говор, шутки, реплики, тосты... Микрофон скоро оказался в забвении. За столом было много артистов. И тосты сменялись песнями. Вот на середину комнаты вышла молодая статная Ольга Владимировна Галина. Голос ее дрожал. Когда она дочитала «Спадчыну», подошел взволнованный Купала, поцеловал руку...

В воскресенье, 18 июня 1936 года, часа в четыре дня, радио сообщило: «Умер Алексей Максимович Горький». Я тотчас бегом бросился на работу — в радиокомитет. Там уже готовил внеочередной выпуск «Последних известий» редактор Юрка Такарчук. Не отрываясь от рукописи, сказал мне: «Связывайся с Купалой, проси хоть несколько слов об Алексее

Максимовиче». Я долго упрашивал телефонистку соединить меня с Купалой. Занято. Наконец все таки дозвонился. Улыбался знакомый, чуть приглушенный голос: «Мне, хлопче, писать теперь о Горьком все равно, что на себя некролог. Для всех это невосполнимая утрата, а для меня — великое горе». «Вот об этом и напишите хоть несколько строчек», — упрашивал я. «Так ведь руки трясутся. Сейчас не могу. Завтра поутру забеги. Может, что выйдет. А теперь нет, не могу».

Назавтра чуть свет я постучался в знакомый по той памятной передаче кабинет. Дядька Янка ходил из угла в угол. Лишь кивнул на приветствие, вздохнул: «Никак не отбиться. Вот и газеты звонят. А что тут скажешь?.. Душа плачет, и сердце разрывается от боли». Он подал мне листок с коротким и весьма прочувствованным текстом.

...На месте его домика — теперь Купаловский музей. Вокруг разросся шумный парк, бронзовые русалки пускают венки в воду, на зеленый курган взмоет встречать солнце бессмертный и неутомимый странник — Янка Купала. Я часто вечерами прихожу к купаловскому дому. На сумеречное окно падают голубые лучи луны, и комната вроде бы светится изнутри мягким светом. Кажется, вот сейчас услышу тихий знакомый голос...

Сергей ГРАХОВСКИЙ.

МИНСК.